

УДК 009

К. А. Крашенинникова

Екатеринбург, Россия

**РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ НЭПА:
БОРЬБА ЗА ТЕАТРАЛЬНУЮ СЦЕНУ
В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1921-1925 гг.**

АННОТАЦИЯ. 14 марта 1921 года X съездом РКП(б) была принята Новая экономическая политика (НЭП), направленная на возрождение рыночных отношений и частного предпринимательства. Эта экономическая реформа, в частности, затронула сферу искусства, поскольку многие культурные институты были сняты с государственного финансирования. Таким образом, в учреждениях культуры и, в частности, в театральных студиях принцип классовый борьбы начал медленно замещаться борьбой за публику как единственный финансовый источник. Это неизбежно повлияло на репертуар клубов и студий, а также формы культурных практик. Данная статья посвящена конфликту культурных парадигм эпохи НЭПа – социалистической и капиталистической – в театральной жизни Екатеринбурга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: театр, социалистическая революция, НЭП, агитация, сакрализация

К. А. Krasheninnikova

Yekaterinburg, Russia

**SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS WITHIN THE CONTEXT
OF URBAN STUDIES: SYMBOLIC FUNCTIONS OF URBAN SPACE**

ABSTRACT. On the 14th of March, 1921, the 10th Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks) established the New Economic Policy (NEP) aimed at the re-introduction of market relations and private entrepreneurship. This economic reform had resulted in many changes, influencing the art sphere, among others: many Soviet cultural institutions were denied state financing and left fending for themselves. As a result, cultural institutions – including theatre studios – began to gradually move from the class struggle to the struggle for the audience, which became their only source of income. The substitution of very concrete and financial goals for the lofty ideological projects inevitably changed clubs' and studios' repertoires, as well as various cultural practices. This article explores the conflict between NEP socialist and the capitalist cultural paradigms within the theatrical milieu of Yekaterinburg.

KEYWORDS: theatre, socialist revolution, NEP, agitation, sacralisation

Последствием социально-политических изменений, квинтэссенцией которых являются революции, становятся трансформации городского пространства. Новый уклад жизни, с одной стороны, приводит к модификации комплекса социальных практик, а с другой – к изменению символического контекста их существования. Общим знаменателем этих факторов становится желание порвать с прошлым и зафиксировать этот разрыв, контрапунктировать его всеми средствами. Новые архитектурные формы и пространственные решения входят в их число.

Любая власть нуждается в своих «местах памяти» [5, с. 25–27], что и приводит к созданию новых архитектурных сооружений. Города – хранители истории и культуры, поскольку каждое из строений отражает идеи своей эпохи. В городах «время становится видимым» [10, р. 4], поэтому они, по мнению Л. Мамфорда, являются прекрасным наглядным пособием для изучения истории культуры. Л. Мамфорд называет города музеями, указывая на тот факт, что они являются материальной памятью об истории развития цивилизации и позволяют понять акту-

альные проблемы современности. Мы систематически пытаемся реконструировать настоящее из прошлого и представить само настоящее как историю [6, с. 42]. И все эти попытки невооруженным глазом видны в окружающей нас городской среде.

Сегодня все чаще можно услышать тезис о том, что вследствие развития информационно-коммуникационных технологий положение в географическом пространстве теперь не соотносится с положением в социальном пространстве [1, с. 91], а города теряют свое значение. Однако символическая функция городов не уходит в прошлое. Города, по-прежнему, привлекают людей и новые архитектурные проекты, отражающие их идеи и настроения.

Символом городов XIII века были соборы, в XVI веке их вытеснили дворцы, а в конце XIX века триумфом инженерной мысли становятся небоскребы и подобные им сооружения [10, р. 207, 209]. Смена исторических периодов приводит к необходимости освобождения места для возведения символов новой эпохи. Наполеон III в третьей четверти XIX века поручил барону Ж. Э. Осману реконструировать Париж. Многократный рост населения города, интенсификация перемещений его обитателей требовали создания новой системы улиц, ключевыми характеристиками которых становились прямота и ширина. Помимо задач развития города, в этом нашли выражение и политические интересы – широкие улицы сложнее перегораживать баррикадами, а перемещение по ним войсковых контингентов осуществляется гораздо быстрее. Таким образом, Наполеон III хотел снизить вероятность революционных потрясений, которые для Франции, начиная с 1789 года, стали привычным явлением. Хотя планы развития Парижа разрабатывались предшественниками Ж. Э. Османа на посту префекта города, только он получил все необходимые полномочия для реализации столь масштабного проекта.

Стихийные изменения в городском пространстве Парижа начались после Великой Французской революции, когда го-

рожане разобрали здание тюрьмы Бастилии, которая воспринималась как символ абсолютной монархии (своеобразная ирония судьбы заключалась в том, что проекты сноса Бастилии разрабатывались и до революции, поскольку ее содержание слишком дорого обходилось). Барон Ж. Э. Осман завершил трансформацию городского пространства, придав его ключевым локациям – Елисейскими полям, Площади согласия, Площади звезды и др. современный вид и превратив их в символы столицы Франции, ее подлинные «места памяти».

Создание новых «мест памяти» почти всегда сопровождается разрушением или утратой прежних, Париж в этом смысле не стал исключением. Многие жители Парижа воспринимали происходящее как процесс утраты исторической городской среды, разрушения прошлого. Однако высказывалась и иная точка зрения, согласно которой это был неизбежный прогресс, принесший широкие улицы, канализацию, водопровод и другие блага цивилизации. Современный Париж уже не сожалеет об утраченном средневековом прошлом, своеобразным символом которого можно считать описанные В. Гюго в романе «Собор Парижской богородицы» «дворы чудес» (*cour des miracles*). Миллионы туристов приезжают посмотреть на город, построенный бароном Ж. Э. Османом, в свою очередь, уже ставший историческим наследием. Таким образом, еще в XIX веке была актуализирована проблема демаркации: какие здания представляют собой историческую ценность, а какие могут быть безболезненно снесены.

Строительство Эйфелевой башни также вызвало множество споров. Многие парижане сожалели о безвозвратно испорченном облике города, но со временем она превратилась в его символ. Инженерное сооружение, возведенное к столетию Великой французской революции, смогло стать значимым «образом-воспоминанием», способным объединить городское сообщество [3, с. 471], и даже превратилось в один из символов Сопро-

тивления, поскольку во время пребывания фашистов в Париже лифт Эйфелевой башни не работал, однако, через несколько часов после освобождения города странным образом стал исправен.

Один из наиболее масштабных проектов реконструкции в нашей стране – преобразование Москвы в начале XX века. Санкт-Петербург изначально строился Петром I как столичный город, план которого был четко выверен. Москва на два столетия оказалась предоставлена сама себе и развивалась, напротив, весьма хаотично. Возвращение столицы в Москву в 1918 году привело к необходимости модернизации города.

Городское пространство столицы государства, в котором победу одержал пролетариат, по определению должно было иметь колоссальную символическую нагрузку: «Москва ... должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов» [2, с. 19]. Москва стала центром революции пролетариата, на которую должны были ориентироваться рабочие других стран. Столица всегда выполняет идеологическую функцию, в СССР она была гипертрофирована: «Преобразуя Москву, большевики конструировали новый фасад своего режима, представлявший их как неоспоримых правителей страны. Их задачей было не только строительство новой советской столицы, но и создание города, который стал бы одновременно символом всей большевистской миссии и будущей мировой столицей» [2, с. 26]. 1920-е и начало 1930-х годов – время градостроительных дебатов и смелых экспериментов. Многие проекты того времени носили ярко выраженный футуристический характер, что некоторые исследователи связывают с ожиданием мировой революции [9, с. 6].

Особый статус города объясняет повышенное внимание к его реконструкции. Из множества градостроительных проектов

необходимо было выбрать тот, который лучше других отражал бы идеологию новой власти. Ле Корбюзье предлагал кардинальную перепланировку, основанную на системе прямоугольников, которая включала в себя даже освобождение Кремля «от некоторых загромождающих и малоценных зданий»; Н. А. Ладовский считал целесообразным развитие города в виде параболы в северо-западном направлении вдоль Ленинградского шоссе, чтобы в конечном итоге Москва соединилась с Ленинградом; Э. Май настаивает на необходимости сохранения радиально-кольцевой структуры города и так далее [9, с. 15–20]. Показательно, что Генеральный план развития города был утвержден лишь в 1935 году, когда наметилось изменение приоритетов: от ожидания мировой революции перешли к построению социализма в одной отдельно взятой стране. Утверждение плана реконструкции Москвы было встречено с восторгом: «Освободившись от ветоши капиталистического наследия, растет и расцветает новая Москва – красная столица Советской страны, где бьется горячее сердце мировой революции, несущей освобождение всему угнетенному человечеству» [9, с. 35]. Естественно, что подобные идеи требовали своего подтверждения в реализации масштабных проектов.

Символы прошлой эпохи должны были освободить место новым. Особое значение имела идея строительства Дворца Советов на месте храма Христа Спасителя: разрушение главной московской церкви – символа победы царизма над Наполеоном – было одним из шагов в процессе удаления символов прошлого из публичного пространства [2, с. 23]. Дворец Советов так и не был построен, но было возведено множество других одиозных архитектурных сооружений.

Советская власть не ставила перед собой цель сохранить какое-либо культурное наследие. Более того, его безжалостно уничтожали. Полемизируя с Ле Корбюзье, М.Я. Гинзбург писал: «Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах

многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите лечить город, пытаетесь его сохранить по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое... Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий» [8, с. 11]. Социалистический город должен был предложить своим жителям, преимущественно рабочим, принципиально новые условия жизни. Идеологической основой социалистического городского планирования стал марксистский тезис, согласно которому человек представляет собой «совокупность общественных отношений» [4, с. 19]. Подобная логика рассуждений предполагала, что изменение бытовых условий жизни приведет к изменению самих людей.

Дома-коммуны стали наиболее полным воплощением идеи «обобществления быта» и получили широкое распространение в довоенных советских городах. Они являются наследием предвоенной эпохи и свидетельством социальных и архитектурных экспериментов 1920-30-х годов, напоминающим нам об эпохе конструктивизма с ее идеями. Дома-коммуны занимают промежуточное положение в городском пространстве – с одной стороны, сохранившиеся до наших дней постройки обычно имеют статус памятника архитектуры, как широко известный Дом Наркомфина на Новинском бульваре в Москве, с другой стороны, их состояние обычно настолько плачевное, что для городских властей поддержание таких объектов в жизнеспособном состоянии превращается в такую же проблему, как и капитальный ремонт «хрущевок». Исключения из этого правила редки, одним из них можно считать судьбу

дома-коммуны на улице Орджоникидзе (дом-коммуна Текстильного института), пережившего девятилетнюю реконструкцию, которая успешно завершилась в 2016 году. Неоднозначное отношение к тому историческому периоду, символом которого являются дома-коммуны, усугубляет двойственность их статуса – они являются свидетелями и памятниками слишком неудобного для многих прошлого, и это обстоятельство ставит их существование под угрозу.

Стандарты жилищного строительства, однако, кардинально пересматриваются после прихода к власти нового политического лидера – Н. С. Хрущева: он предлагает другую идею – отдельная квартира для каждой семьи вместо коммунального быта. И начинается стремительное возведение новых кварталов. Строительство однотипных домов стоило относительно дешево, и позволило в короткие сроки обеспечить множество семей малогабаритными, но отдельными квартирами. Произошло формирование новой городской культуры, основанной на принципе «минимума жизни», в первую очередь, на «минимуме пространства» [10, р. 179]. Эти дома, известные как «хрущевки» сейчас никто не воспринимает как историческую городскую среду, а скорее, наоборот, они превратились в проблему, доставшуюся в наследство нынешним поколениям. Московские власти, например, заявили о желании снести в городе все жилые дома, построенные при Н. С. Хрущеве.

Освобождение от прошлого в городском пространстве может принести немалую выгоду. К сожалению, безжалостное уничтожение архитектурных объектов, имеющих историческую ценность, стало символом постсоветской реконструкции и уже привычным явлением: «Сегодня руины создаются за одну ночь, при поддержке ОМОНа и в соответствии с кулуарно принятым решением, – и также стремительно исчезают. Понятно, что здесь я говорю лишь о кучах строительного мусора, которые быстро уберут, чтобы начать строить жилую высотку или торговый центр, кото-

рые в свою очередь тоже могут застыть незавершенными заложниками капризов финансовой фортуны» [7, с. 176]. Облик города приносится в жертву экономическим интересам. Оправдать свои действия можно, принизив значение, например, советской эпохи. Сталинская Москва не рассматривается как историческая городская среда, поэтому вполне возможно ее разрушение. Например, возведение бывшего офиса компании «Трансаэро» около станции метро «Парк культуры» дисгармонизирует с окружающей средой. Но если ее не воспринимать как ценность, то и проблемы здесь нет. Получается, что неоднозначное отношение к истории удобно, а порой и выгодно.

Наиболее серьезную смысловую нагрузку несут архитектурные сооружения столичных городов, в политико-культурном пространстве которых власть старается оставить долгую память о себе. Именно столица, как правило, становится

полигоном для апробирования архитектурных инноваций, в том или ином виде воспринимаемых затем в других городах. При этом, необходимо отметить, что чрезвычайно редкими являются случаи, когда города представляют собой единый целостный архитектурный ансамбль. Как правило, нечто подобное можно увидеть в новых городах, которые возводятся по определенному плану, однако это является характеристикой лишь раннего этапа их существования. Планы масштабных реконструкций далеко не всегда реализуются в полной мере, и современные города, особенно, большие, в значительной степени представляют собой совмещение множества идей и проектов, приходивших на смену друг другу. Смешение архитектурных стилей и символических реальностей зримо отражает разные эпохи в истории города, которые пересекаются и накладываются друг на друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова Т. С.* Понятие «доступ» в социологической теории Дж. Рифкина // Социология. – 2012. – №3. – С. 84–96.
2. *Берендс Я. К.* Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3 (133). – С. 18–29.
3. *Васильев А.* *Memory studies*: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5 (117). – С. 461–480.
4. *Меерович М. Г.* Административно-хозяйственное районирование страны в 1920-1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы. – М., 2010. – С. 8–29.
5. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
6. *Полякова Н. Л.* Методологическая саморефлексия социологии в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.: «спор о позитивизме» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2012. – № 4. – С. 24–53.
7. *Трубина Е. Г.* Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 3 (89). – С. 175–194.
8. *Ушакин С. А.* Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 6 (80). – С. 10–16.
9. *Чекмарев В. М.* Сталинская Москва: становление градостроительной темы «мировой коммунистической столицы». – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 80 с.
10. *Mumford, L.* *The Culture of Cities*. – San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970. – 586 p.